

Review

Тематическое приложение к газете **Коммерсантъ**

Арт-рынок

Четверг 9 февраля 2017 №24 (6018 с момента возобновления издания)

kommersant.ru

- 13

За десять лет суммарный объем продаж произведений искусства в денежном выражении во всем мире вырос почти в три раза, тогда как количество сделок увеличилось менее чем на четверть
- 14

Инвестор должен понимать, что на рынке искусства рисков гораздо больше, чем на многих других. Здесь менее прозрачные сделки, существует проблема с экспертизой, заметную долю рынка занимают подделки

Коллекционные ценности

В последние два года арт-рынок снизил обороты. Это связано с серией громких скандалов, а также с тем, что торговля произведениями искусства остается закрытой и непрозрачной системой, где нет единых правил и тем более регулятора. При этом за последние десять лет объем рынка утроился, на него вышли новые игроки.

— инвестиции —

Культурная революция

Торговля произведениями искусства — это глобальный рынок с многомиллиардным оборотом, сумма сделки может достигать \$500 млн. Так, по данным Bloomberg Businessweek, в феврале 2016 года миллиардер и основатель хедж-фонда Citadel Investment Group Кеннет Гриффин приобрел у фонда магната Дэвида Гейффена две картины — произведения Виллема де Кунинга и Джексона Поллока — за \$500 млн.

Что касается общего оборота арт-рынка, то по итогам 2015 года экономист Клер Макэндрю (автор ежегодного отчета TEFAF о состоянии арт-рынка, одного из главных источников статистической информации об этой сфере) оценивает его в \$63,8 млрд. Данные за 2016 год пока не опубликованы, но ряд аналитиков полагает, что рынок мог сократиться до \$60 млрд. Такой прогноз в сентябре публиковал американский деловой журнал Fortune. Добавим, что в 2015-м рынок продемонстрировал снижение на 7% по сравнению с предыдущим годом. Не последнюю роль в этом сыграли громкие скандалы и разоблачения торговцев искусством. Следствием стали кризис доверия и отток инвесторов из этой сферы.

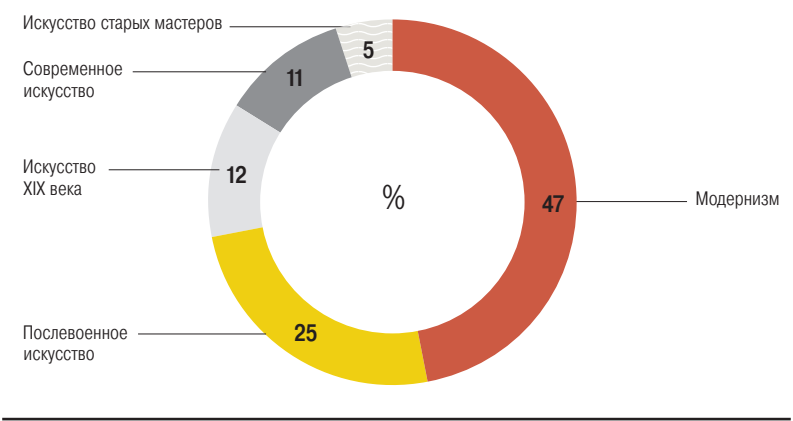
Однако еще несколько лет назад покупка работ выдающихся художников или скульпторов воспринималась как надежное вложение, особенно если речь шла о «первых именах», то есть авторах, чьи работы представлены в крупнейших музеях мира: Клод Моне, Пабло Пикассо, Энди Уорхол. Разумеется, спросом пользовались и представители локальных художественных школ — активно развивались рынки русского, китайского, латиноамериканского искусства, однако там неизменно действовала закономерность: русские покупают русских, китайцы китайцев и так далее. В то же время приобретение работ «первых имен» означало доступ на интернациональный рынок.

Наиболее прибыльными сегментами арт-рынка традиционно считаются импрессионисты и искусство XX века. По итогам 2015 года самым успешным стало как раз послевоенное и современное искусство, на него приходится 46% продаж, а общий оборот составил \$6,8 млрд. Второй по значимости оказалась категория

«Искусство импрессионизма и модернизма», на нее пришлось 30% продаж, а общий оборот был оценен в \$4,5 млрд. «Это „голубые фишки“ мирового арт-рынка, которые всегда в цене, — еще год назад говорил журналистам Денис Лукашин, консультант, специализирующийся на оценке и экспертизе произведений искусства. — Предметы искусства — невосполнимый ресурс: еще раз Модильяни ничего не напишет, новых картин Ван Гога уже не будет. Поэтому такие работы, естественно, интересны с инвестиционной точки зрения».

Надежность вложений в произведения искусства казалась неопровержимой истиной, которая подтверждалась неуклонным ростом цен и новыми аукционными рекордами. Даже малоизвестная картина, например, Пикассо, стоившая на рубеже веков менее \$1 млн, спустя пять-шесть лет продавалась уже в десять раз дороже. Что уж говорить о раскрученных работах этого же мастера вроде картины «Алжирские женщины», которая ушла с молотка за \$179,4 млн на аукционе Christie’s в 2015 году, став самым дорогим произведением искусства, когда-либо проданным на публичных торгах. Хотя аукционные дома гарантируют своим клиентам полную конфиденциальность, уже через неделю имя покупателя стало известно газете New York Post. «Алжирских женщин» приобрел бывший премьер-министр Катара миллиардер Хамад бен Джасим бен Джабер аль-Тани, проживающий в Лондоне. Произведения искусства коллекционируют и действующие первые лица Катара, а также лидеры других стран Персидского залива. Бум на арт-рынке в последние полтора десятка лет во многом их заслуга.

АУКЦИОННЫЙ ОБОРОТ ПО СЕГМЕНТАМ АРТ-РЫНКА В 2015 ГОДУ



прямая речь

Вы в произведения искусства готовы инвестировать?

Борис Минц, председатель Совета директоров инвестиционной компании O1 Group, основатель Музея русского импрессионизма:

— Я уже почти 20 лет инвестирую в искусство. Так вышло, что я заинтересовался именно русской живописью и довольно долгое время собирал личную коллекцию. Но мне показалось, несправедливым по отношению к замечательным русским художникам, создавшим столько шедевров, что их никто не видит. Поэтому вариант создания музея мне казался наиболее логичным. Частный музей — дорогая история. Это десятки миллионов долларов. Кроме того, музей необходимо содержать, пополнять коллекцию. Безусловно, у музея есть бизнес-план, он будет развиваться и зарабатывать, но очевидно, что он никогда не окупится в финансовом смысле. К инвестициям в искусство можно применить тот же подход, что и к любым другим видам инвестиций. Главное — осмысленный выбор при принятии решений о покупке того или иного произведения искусства. Хорошо, если есть команда консультантов, которые понимают тренды, знают рынок, разбираются как в современном, так и в классическом искусстве и могут оценить предложение. Вряд ли Щукин, собирая свою коллекцию в начале прошлого века, потратил на нее порядка \$10 млрд, однако такова ее нынешняя стоимость. Искусство всегда растет в цене. Можно собирать и старых мастеров, например голландцев. Стоимость хорошей коллекции всегда будет выше, чем каждой картины в от-

дельности. В России не так уж мало людей, инвестирующих в искусство, я лично знаю многих, кто покупает прекрасные работы по \$3–5 тыс. Конечно, коллекционеров, способных потратить миллионы на одно произведение искусства, у нас немного. Для этого должны быть свободные средства и определенный уровень дохода, так что здесь играют роль скорее экономические факторы. Коллекционер — это всегда человек увлеченный, и не важно, что он собирает — открытки, марки или картины. Он испытывает удовольствие от возможности ежедневного погружения в любимую тему, созерцания и радости от того, что есть вечные ценности, которые окружают его каждый день, а с годами они еще и растут в цене.

Василий Кузнецов, генеральный директор галереи Veresov:

— В России наберется максимум две сотни человек, кто может позволить себе инвестировать в искусство. Это хорошие инвестиции, ведь цена на картину никогда не упадет до нуля. Люди стали чаще покупать современное искусство, соцреализм, советский нонконформизм. Оно достаточно быстро растет в цене, через несколько лет такие картины можно продать в два-три раза дороже. Сегодня цены на картины упали, поэтому их стало достаточно выгодно приобретать. Но надо помнить, что цены на картину самостоятельно не растут, ее нужно специально продвигать на рынок, делая известной. Чем больше картина засветится, тем дороже станет. В России антикварный рынок рухнул в 2008 году, когда выяснилось, что почти 80% рынка — подделки. Начался серьезный спад, за картину, купленную за \$100 тысяч, давали \$2–3 тыс. Были потеряны миллионы долларов, и люди, пытавшиеся инвестировать в искусство, стали очень осторожными. Для подтверждения работы признанного мастера сейчас нужно получить десяток заключений от признанных мировым сообществом экспертов. А в 90-е было достаточно практически любой бумаги с печатью, любой неопытный эксперт мог провести анализ и поставить свою подпись. Сегодня самый

крупный арт-рынок в мире — Китай, там строятся музеи, проводится много выставок, и они очень много богатых людей. Там хорошо делают Фаберже. Там очень любят советское искусство, так что если заниматься продажей картин за пределами России, то там.

Михаил Абрамов, меценат, основатель Музея русской иконы:

— То, что люди инвестируют в искусство, говорит, что общество оживает. Кто-то в просветительских целях организует частные коллекции, и они открыты для широкой публики. Потом такие частные коллекции могут быть подарены какому-то музею. А кто-то этим занимается, чтобы потом заработать на этом. Это нормально, главное, чтобы коллекции не вывозились из страны. В советские времена из музеев было своровано очень много произведений искусства, которое потом стремились вывезти за границу для продажи. И мы потеряли целый пласт культуры, посмотрите, сколько наших произведений искусства продается сегодня на известных аукционах. Наши музеи не активны в расширении, в них выставлены коллекции, собранные не самими музеями, а еще старыми меценатами — Щукиным, Морозовым, Рябушинским. Я готов инвестировать в искусство, но у меня другие цели. Я хотел не заработать на искусстве, а создать музей, аналога которому нигде нет. И мне это удалось, созданный музей древнерусского искусства существует уже много лет. В нем 12 залов, где в произведениях иконописи можно проследить историю от Византии до сегодняшнего дня. Это мой частный проект, созданный на собственные средства. Меня подтолкнуло к этому то, что во времена СССР с иконами поступали варварски, их жгли, рубили, а храмы взрывали. Последний храм, а это был храм Преображенского покла, Хрущев разрушил в 1964 году, а я его восстановил. Для меня все это чисто меценатский проект. В музее все бесплатно, и вход, и экскурсии. Там не ведется никакой коммерции. Главный принцип — не брать деньги. Я за то, чтобы подобные коллекции были публичными и доступными.

Дмитрий Маликов, народный артист России, композитор, пианист, певец:

— К коллекционированию произведений искусства я подхожу с точки зрения увлечения и любви, сам коллекционирую фарфор ЛФЗ, то есть фарфор Императорского завода и русскую живопись начала XX века. Так что, считаю, здесь одно главное правило: любить искусство — надо инвестировать, не любящие — даже не пытаться что-то делать, бесполезно, все равно обманешься или тебя обманут. Я люблю живопись, разбираюсь в ней, я русский человек, поэтому русское искусство мне понятно и близко. Впрочем, не люблю я говорить на эту тему, пытаюсь сохранить свое личное пространство.

Михаил Суслов, генеральный директор компании «Петербургский антикар» (галереи «Гармония» и «Трианон»), член международной Конфедерации антикаров и арт-дилеров:

— Готов, сейчас это очень выгодно, сегодня хорошее время для любого инвестирования. Цены на произведения искусства упали, поэтому инвестиции в этом направлении стали еще доступнее. Есть еще одно преимущество — вы не просто владеете предметом, в который вложились, но и обладаете им. То, что украшает нашу жизнь, то, что является составляющей повседневности каждого человека, — это красота. Акции — это бумажки, виртуальные записи о том, что вы являетесь владельцем. А картины, скульптуры, предметы декоративно-прикладного искусства — это то, чем мы реально можем пользоваться, наслаждаться.

Давид Якобашвили, вице-президент Российской союза промышленников и предпринимателей:

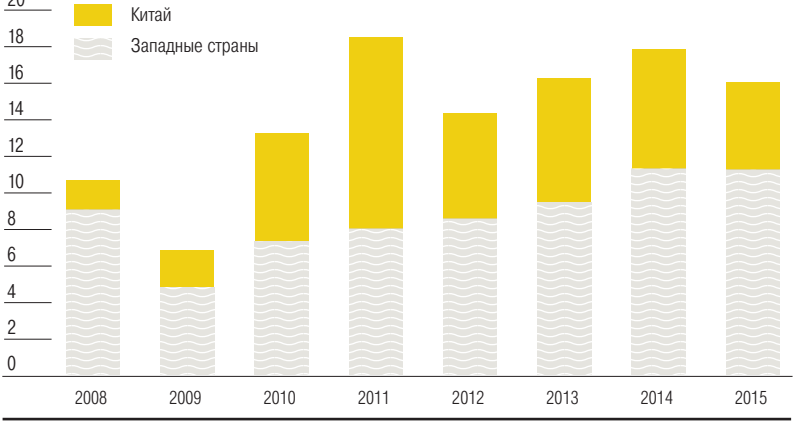
— Я уже давно в это инвестирую. Если вы занимаетесь бизнесом, то у вас подсудно есть в голове мысль о покупке произведений искусства. Есть люди, которые только это и делают, покупают картины и прочее не для коллекции, а для последующей перепродажи, это смысл их жизни, профессия, можно так сказать. Я еще ни одной

ниги денег. Ты можешь приобрести какое-то произведение за полмиллиона долларов и отправить его в любое место, даже не показав паспорт. Множество людей используют это для отмывания. В то время как искусство выглядит храмом красоты, арт-рынок полон теневых сделок. Это нужно исправить, иначе он будет на долгое время подорван», — говорил Нуриэль Рубини, однако едва ли был тогда услышан.

Нью-йоркский адвокат Уильям Перлстай, отвечая на вопрос французской газеты Le Parisien осенью 2016 года, подтвердил, что случаи мошенничества на арт-рынке до сих пор выявляются достаточно часто. «Я не думаю, что с неформальными сделками покончено, — сказал он. — Культ джентльмена-знатока в мире искусства все еще силен. Коллекционеры и дилеры часто выступают против вторжения адвокатов в их личные отношения, основанные на доверии между честными джентльменами. Когда коллекционеры имеют дело со знакомым дилером из-за того, что между ними уже существует доверие, вопрос о мерах предосторожности просто не ставится».

Не секрет, что государственные органы в США и странах Европы фактически не контролируют сделки с искусством, что создает огромное поле деятельности для недобросовестных продавцов и для покупателей, выбравших эту сферу для ухода от уплаты налогов. Теме отмывания денег с помощью искусства неоднократно посвящали расследования The New York Times и Hopes and Fears. По словам бывшего нью-йоркского арт-консультанта Бет Форе, «налоговое законодательство в искусстве признает, что не платить налоги на искусство в принципе легально». Эдвард Винкельман из галереи Winkelman Gallery, в свою очередь, утверждает, что его галерея скрупулезно записывает все транзакции и платит налоги, даже с продаж за наличные. Но он признает, что государство вообще не спрашивает их отчеты. Он также говорит, что никто не требует от него фиксировать отдельные продажи — только итоговые данные за каждый квартал.

ОБЪЕМ АУКЦИОННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО РЫНКА В 2008–2015 ГОДАХ (\$ МЛРД)



вещи не продал, пока такой нужды нет, слава богу, но когда я их покупал, всегда задумывался над тем, сколько она будет стоить много лет спустя. Надо помнить, что помимо уникальности и перспективности вложения произведения искусства, антикварные вещи, особенно из золота, не раз спасали людей в лихие годы. Продавая драгоценности, или обменивая их на ломоть хлеба, многие элементарно спасли себе жизнь. Что выбрать для инвестирования, каждый решает сам, и в силу личных пристрастий, и оценки перспектив подорожания в будущем. Здесь единого рецепта нет.

Андрей Кривенко, генеральный директор сети магазинов «Избенка» и «Вкусвилл»:

— Наверное, для кого-то вложение денег в произведения искусства и важно с точки зрения инвестирования в будущее, но для меня это сейчас не так. Я люблю любоваться картинами в музее, а не у себя дома. Возможно, эта позиция со временем изменится, но пока я как-то не связываю искусство с будущим, мне кажется, оно в настоящем.

Сергей Ястржембский, бывший помощник президента РФ:

— Было бы что инвестировать? Конечно, в искусство выгодно инвестировать практически в любое время. Главное — угадать тренд.

Юрий Каннер, президент Российской еврейской конгресса:

— Скорее все-таки нет. Во-первых, я в этом слабо разбираюсь. Во-вторых, моя дочь, зять, сын занимаются профессионально моим портфелем. И вот они уже занимаются инвестированием, но «экзотическим». Сын инвестирует в вино, и это оказывается очень прибыльным делом. Но есть знакомые, которые коллекционируют произведения искусства, — Рональд Лаудер, например. Он очень известный коллекционер, и, глядя на него, можно сказать, что инвестиции в искусство — вполне выгодное предприятие.

Холст отечества

В России по сравнению с Европой и США оборот рынка искусства ничтожен, да и сам рынок до сих пор остается во многом теневым: слишком мало времени прошло с момента возникновения у нас арт-бизнеса. Тем не менее проблемы, с которыми сталкиваются мировые инвесторы — фальшивые произведения, конфликт интересов у консультантов, — характерны и для нашей страны.

— рынок —

Русский — это звучит дорого

Историю частного коллекционирования в нашей стране следует отсчитывать с послевоенных лет, когда в Советском Союзе появилась целая плеяда собирателей искусства: Яков Рубинштейн, Абрам Чудновский, Николай Харджиев, Игорь Санович, Соломон Шустер и многие другие. Почти все они начинали со старого искусства — фарфора, «малых голландцев» или русских передвижников, но к концу 1970-х годов «заболели» русским авангардом, первооткрывателем которого стал выдающийся коллекционер русского искусства начала XX века Георгий Костакис. В 1977 году вместе с семьей он эмигрировал в Грецию, и часть собрания Костакис удавалось вывезти за рубеж, после того как значительная часть коллекции была передана в дар советскому государству. В отличие от других советских коллекционеров Костакис был в курсе цен на европейском художественном рынке и оперировал, как правило, валютой. У него еще в советские годы имелись последние сведения о ценах на аукционах Sotheby's и Christie's. Он достаточно быстро понял, что можно извлечь выгоду, продавая «нонконформистов» иностранным журналистам и дипломатам. Они очень часто на эту тему пересекались с Ниной Стивенс, женой американского журналиста Эдмунда Стивенса, которая в какой-то степени помогала, в какой-то степени мешала ему — конкурировала.

В 1980-е, в эпоху перестройки, интерес к искусству нонконформистов переживал небывалый взлет. Началось ему положил проведенный в 1988 году в Москве британским домом Sotheby's аукцион современного русского искусства. На нем были заключены сделки на немалую сумму по тем временам сумму — \$3,5 млн. Пиком коммерческого интереса к русскому искусству стал 1989-й. Впервые за всю историю вещи продавались со значительным отрывом от стартовой цены. Последствием этих аукционов стал бум русского авангарда. Отделы русского искусства в аукционных домах Sotheby's и Christie's существовали с середины 1970-х годов, в течение 30 лет Sotheby's и Christie's устраивают русские аукционы в Лондоне. Долгое время их поддерживала горстка иностранцев. Конкуренция была слабая, так как богатая международная клиентура интересовалась не малоизвестными русскими картинами, а пасхальными яйцами Фаберже, которые продавались на ювелирных торгах в Женеве.

Девяностые годы стали переломными: в Лондоне появлялось все больше русских покупателей. В 1995 году русские торги принесли £3,8 млн. Больше половины покупателей на аукционе были русскими, они перебивали друг у друга картины родных художников. Новые покупатели вытеснили иностранных коллекционеров, шокированных невиданными дотоле ценами. «Русский бум» продолжался и в начале нулевых, но уже в 2008-м на рынке русского искусства начался спад, связанный с мировым финансовым кризисом. Ситуация стала ухудшаться катастрофически где-то в 2014 году: цены на русское искусство падают, спроса на него почти нет, а мировое искусство отечественные коллекционеры предпочитают приобретать и хранить за пределами страны.

На рынке русского искусства после десятилетия высоких цен и стабильного спроса наступила рецессия. По данным аналитиков портала artnet.com, объем продаж русского искусства на пике, в 2007 году, превышал \$600 млн, а в 2015 году он упал до \$250 млн. Скорее всего, возврата к прошлым рекордам не будет и принципы ценообразования на произведения русского искусства неизбежно будут пересмотрены.

Показательно новейшая история коллекционирования искусства в России, которая насчитывает пока менее трех десятилетий и совпадает по времени с периодом первоначального накопления капитала. За столь короткий срок российские коллекционеры — и те, кто начал собирать в начале 1990-х годов, как банкир Петр Авен, и те, кто подключился уже в 2000-х, как финансист Борис Минц, — успели пройти огромный путь от личной коллекции к частному музею, от русской живописи до шедевров мирового искусства. В 1990-х интерес новой финансовой элиты к искусству ограничивался «картинками из «Родной речи» — произведениями Ивана Шишкина, Ильи Репина, Алексея Саврасова, Ивана Айвазовского, а также их менее известных современников. Це-



«Пейзаж с ручьем», снятый с аукциона Sotheby's в 2004 году, оказался полотно работы не Ивана Шишкина, а голландского художника Маринуса Адриануса Куккука, что существенно снизило его ценность

ны на их произведения брались фактически с потолка, до сих пор среди антикваров ходит байка о том, что стоимость картины русского академика живописи XIX века рассчитывалась по следующей формуле: к длине картины по ее большей стороне прибавляли три нуля и получали цену в долларах.

Впрочем, «лихие времена» не мешали, а может, где-то и помогли первопроходцам в деле коллекционирования в России создать выдающиеся собрания. У Петра Авена теперь большая коллекция русской живописи XIX–XX веков, работы из которой путешествуют по миру, их просят на выставки главные отече-

ственные музеи — Третьяковская галерея и Русский музей. Разными были и пути развития коллекций: многие осознали, что собрание переросло в нечто большее. Кто-то пошел по пути создания частного музея, как Дарья Жукова и Роман Абрамович — владельцы первоклассной коллекции современного западного искусства и основатели московского музея современной культуры «Гараж». Кто-то выбрал форму художественного фонда, как Леонид Михельсон, создавший фонд V-A-C, который занимается поддержкой современного искусства в России. Владимир и Екатерина Семенихины организовали фонд культуры «Екатерина», Алексей Ананьев основал Институт русского реалистического искусства.

Экспертное злоключение

Пожалуй, самой болезненной была и остается проблема подделок. Первый всплеск активности фальси-

фикаторов пришелся на 1990-е, но тогда речь шла еще об относительно грубых подделках, а вот в начале 2000-х действовала куда более изощренная схема. Слаженная работа группы разносторонних специалистов — очевидно, среди них были и художники-фальсификаторы, и искусствоведы, и антиквары — прервалась почти случайно, когда в 2004 году с аукциона Sotheby's со скандалом сняли картину Ивана Шишкина «Пейзаж с ручьем». Она оказалась не подделкой, нет — подлинной работой голландского художника Маринуса Адриануса Куккука. Но к работе прилагалось экспертное заключение из Третьяковской галереи, свидетельствующее о том, что это работа русского художника. Это противоречие дало импульс к началу расследования, которое выявило изысканный метод фальсификаторов, которые скупали на мелких европейских аукционах

недорогие произведения немецких, голландских и датских живописцев XIX века, затем слегка подправляли их и отдавали «обрусевшие» полотна на экспертизу в отечественные музеи, где их подтверждали как работы русских мастеров. В итоге картина продавалась в 20 раз дороже первоначальной стоимости. Первым масштабные фальсификации, построенные на сходстве метода и манеры письма, а также техники русских и западных художников XIX века, выявил эксперт Владимир Петров, сам подписавший не одно заключение на перелицованные шедевры. В 2005–2008 годах расследование «дела Преображенских» — единственных галеристов, которые попались на продаже таких картин под видом работ передвижника-пейзажиста Александра Киселева. Они получили реальные сроки, но настоящие инициаторы мошеннической схемы так и не бы-

ли установлены. Государственным музеям запретили проводить коммерческую экспертизу, но музейные эксперты продолжили выдавать заключения уже как частные лица. Все остались при своих, разве что доверие к русской классике в среде коллекционеров и инвесторов было подорвано.

Совсем недавно разразился новый скандал, опять связанный с фальшивкой. Видному специалисту по русскому авангарду, искусствоведу Елене Баснер было предъявлено обвинение в «мошенничестве в особо крупном размере, совершенном группой лиц по предварительному сговору», которое заключалось в том, что при ее содействии коллекционер Андрей Васильев приобрел картину Бориса Григорьева «В ресторане», позднее признанную подделкой. История началась летом 2009 года, когда человек, представившийся как Михаил Аронсон, принес домой к Елене Баснер, работавшей тогда экспертом аукционного дома Bukowskis, картину, доставшуюся ему, по его словам, в наследство и происходившую «из старинной и разделенной петербургской коллекции». Увиденная вещь произвела на искусствоведа очень хорошее впечатление и была атрибутирована экспертом Баснер как подлинное произведение Бориса Григорьева. Для дальнейшего исследования госпожа Баснер обратилась к арт-дилеру Леониду Шумакову, в чьем издательстве «Золотой век» вышла монография о Борисе Григорьеве, написанная Тамарой Галеевой, крупным отечественным специалистом по творчеству художника. Приехав за книгой к издателю, Баснер в разговоре упомянула обнаруженную работу Григорьева, что сразу же заинтересовало Шумакова, предложившего купить ее. Получив согласие продавца и оценив работу приблизительно в £180 тыс., она передала работу Шумакову и получила деньги. Настоящим покупателем работы был коллекционер Андрей Васильев, который лишь два года спустя узнал, что эксперты Центра имени Грабаря, где картина находилась на исследование весной 2009 года, не подтвердили ее подлинность из-за наличия фталоцианиновых пигментов, не существовавших в 1913 году. Васильев потребовал ответа от Шумакова и возврата денег. В итоге коллекционер обратился в Следственный комитет, открыли уголовное дело и начались суды. В конце концов в мае 2016 года решением Дзержинского районного суда Санкт-Петербурга Баснер была признана невиновной — в ее действиях не нашли состава преступления. Сама Елена Баснер всегда подчеркивала, что речь идет о добросовестном заблуждении: она не делала официальной экспертизы, а высказала субъективное мнение о подлинности картины, справедливо считая, что задача окончательно установления подлинности путем экспертизы лежит на покупателе. Однако тут снова лицо знакомое противоречие: покупатель воспринимает Баснер как эксперта, а она тут выступает лишь как посредник при продаже картины.

Когда роли перепутаны и покупатель — будь то инвестор или коллекционер — не понимает, кто есть кто, гарантирует ли продавец законность сделки и будет ли эксперт отвечать за свое заключение, стоит ли удивляться тому, что продажи искусства падают во всем мире, а отечественный рынок и вовсе еле жив? Инвесторы все чаще предпочитают вкладывать деньги не в искусство, а во что-то еще, например в недвижимость. Ее тоже не становится больше, но в отличие от картин подделать виллу или шато невозможно. Да и ценообразование на недвижимость является прозрачным, а рынок жестко регулируется во всем мире. И пока того же не будет на мировом арт-рынке, ждать его серьезного роста и развития, скорее всего, не стоит.

«Инвестор должен понимать, что на рынке искусства рисков гораздо больше, чем на многих других. Здесь менее прозрачные сделки, существует проблема с экспертизой, значительную долю рынка занимают фальшивки. Это отпугивает многих инвесторов, которые хотели бы вкладывать деньги в объекты искусства. Если же инфраструктура рынка слабая, то круг инвесторов сужается до сверхрискованных или очень состоятельных», — сообщает заведующий отделом международных рынков капитала Института мировой экономики и международных отношений РАН Яков Миркин.

Анна Савицкая



Из-за отсутствия четких и понятных всем участникам правил продажи произведений искусства частное мнение специалиста Елены Баснер о картине «В ресторане» было истолковано как экспертное заключение, а затем стало основой для возбуждения уголовного дела

ПУТЬ К ПРОЗРАЧНОМУ РЫНКУ

Говоря о разных формах торговли искусством, можно выделить всего три и сравнить их с точки зрения прозрачности. Наиболее понятной и прозрачной выглядит деятельность аукционных домов, правила проведения торгов здесь диктуют определенную публичность: во-первых, необходимо заранее обнародовать каталог лотов, во-вторых, опубликовать итоги аукциона. Впрочем, имена покупателей стараются держать в тайне, а конечная цена покупки часто до последнего остается загадкой даже для самого покупателя (стоимость лота, названная во время торгов, никогда не бывает окончательной, к ней всегда добавляется комиссия с покупателя в пользу аукционного дома, а также могут быть применены некоторые дополнительные сборы — например, отчисления в пользу автора работы или его наследников).

Вторая по прозрачности форма торговли искусством — это галереи: с одной стороны, это, как правило, хорошо известные, почтенные и важные участники арт-рынка, которые не только продают, но и продвигают искусство, «раскручивают» современных художников. С другой стороны, их деятельность

практически не поддается контролю и учету: неизвестен как общий оборот в этой области, так и объем продаж, количество сделок, суммы сделок и, конечно, как и в случае с аукционными домами, имена покупателей. С этой точки зрения галереи можно условно определить как серую зону арт-рынка.

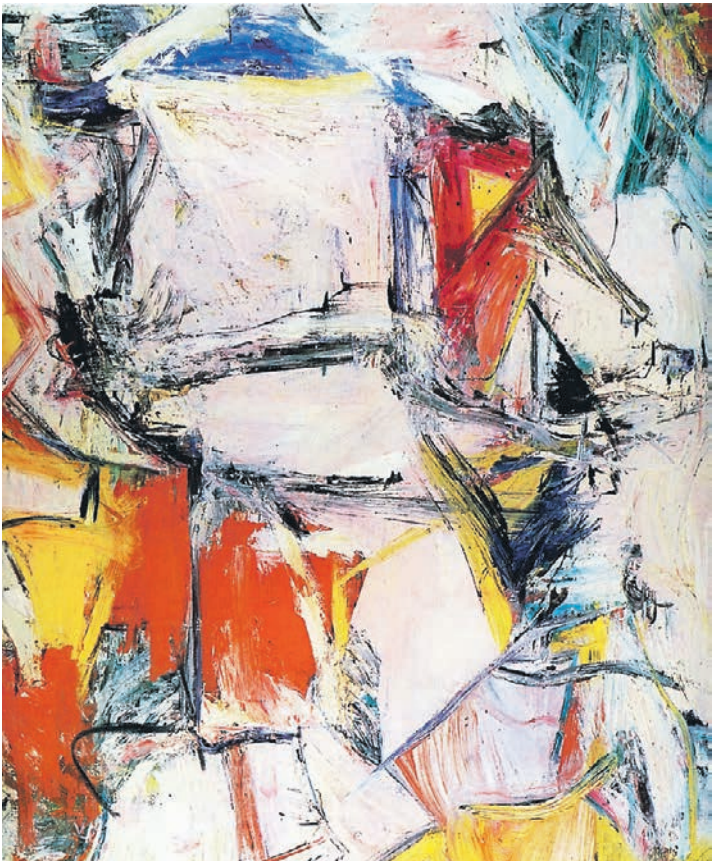
Наконец, сложнее всего отследить деятельность отдельных арт-дилеров — коммерсантов-частников, которые работают на себя, выступая как посредниками в сделках, так и арт-консультантами — это зависит от клиента и типа сделки. Часто они работают как индивидуальные предприниматели, порой никак не оформляют свою деятельность юридически и даже не платят налоги с полученной прибыли. Оценить объемы этого теневого рынка, проверить законность совершаемых здесь сделок и отследить путь произведений искусства, продаваемых таким образом, не представляется возможным. Понятно, что среди таких дилеров немало людей порядочных и уважаемых, но в то же время именно с частными продажами связаны торговля краденным, отмывание денег, контрабанда и оборот поддельных произведений искусства.

В мире около 5 тыс. аукционных домов разного уровня. И если Sotheby's и Christie's относятся к аукционным домам первого уровня, то ко второму уровню относятся национальные лидеры, такие как Bonhams в Великобритании, Artcurial и Hotel Drouot во Франции, Kornfeld в Швейцарии, Dorotheum в Австрии, а России — «Кабинет» и «Совком». Европейские аукционные дома делают акцент на национальных художественных ценностях, а также классическом искусстве и антиквариате. Существует и третий уровень, это региональные аукционные дома, которые чаще всего специализируются на определенных областях искусства.

Для непрофессионала аукционная система порой кажется слишком сложной, и начинающие коллекционеры часто избегают участия в аукционных торгах из-за чрезмерной агрессивности этой формы продажи и непредсказуемости конечной стоимости произведения искусства. Кроме того, выбирая картины для собственной коллекции, необходимо внимательно присматриваться к работам того или иного художника. Возможно, потребуется несколько раз посмотреть вещь, прежде чем приобрести ее.

Такую возможность готовы предоставить галереи, работающие с покупателем индивидуально и экспонирующие произведения в интерьере, приближенном к домашнему. Галереи подолгу работают с одним художником или направлением, продвигая его на рынке: проводят выставки, издают монографии и каталоги. Важно и то, что галереи относятся к произведениям искусства как к штучному товару: тогда как аукционные дома обычно занимаются всем спектром искусства — от древностей и живописи старых мастеров до современного искусства, галереи придерживаются строгой специализации. Кроме того, в галерее проще договориться о цене на то или иное произведение: как правило, начальная сумма, которую называет галерист, отражает лишь его самые смелые ожидания и он почти всегда готов идти на уступки. Однако каждая галерея может предоставить клиенту лишь ограниченное количество произведений, доступных для покупки в данный момент, и выбор, как правило, будет меньше, чем на специализированных аукционах, работы для которых собирают по всему миру в течение полугода.

Коллекционные ценности



— инвестиции —

с13 ▾ Рынок искусства едва ли можно назвать областью для легких инвестиций: необходимо ориентироваться в истории искусства и ценах на работы конкретных художников, постоянно следить за сотнями аукционов, которые ежедневно проходят в разных концах мира, порой буквально гоняться за шедеврами и уметь договариваться с предыдущим владельцем работы — коллекционером, художником или их наследниками, а это всегда «сложные клиенты». Наконец, не лишним будет иметь личные знакомства с экспертами по конкретным художникам. Человеку, далекому от мира искусства, непросто разобраться с графиками роста и падения спроса на отдельных художников, проанализировать статистику продаж, определить подлинность произведения и его инвестиционную привлекательность.

К тому же художественный рынок функционирует иначе чем другие сферы экономики, и профессиональным инвесторам — выходцам из мира финансов порой сложно выявить здесь какие-то закономерности. «Состояние рынка искусства практически не зависит от взлетов и падений мировой экономики», — считает обозреватель арт-рынка Татьяна Маркина. «Нынешнее состояние крупнейших мировых экономик считают кризисным аналитики и Старого, и Нового Света. Однако цены на искусство даже не думают притормозить. Покупают то, что потом легко будет продать, поэтому на аукционах около трети представленных произведений — это повторные продажи. Усредненный годовой доход по ним составляет рекордные 16%» — так она описывала ситуацию летом 2015-го в The Art Newspaper Russia. Речь здесь, разумеется, идет о работах Пабло Пикассо, Альберто Джакометти, Люсьена Фрейда, Марка Ротко, Энди Уорхола, Фрэнсиса Бэкона, Герхарда Рихтера, Пита Мондриана.

Американский промышленник и выдающийся коллекционер, основатель крупнейшего в Калифорнии художественного музея Жан-Пол Гетти в своей книге «Радости коллекционирования» (Joys of Collecting) дал начинающим покупателям искусства следующий совет: исследуй, прежде чем вкладывать. Тут на помощь начинающим коллекционерам приходят арт-консультанты, которые с радостью возьмут на себя заботы по приобретению произведений искусства и составлению коллекции. Обратиться к профессионалу кажется хорошей идеей, одна беда — очень трудно найти человека честного, знающего, но который при этом был бы «над схваткой». Арт-консультантами часто выступают либо эксперты-искусствоведы, либо арт-дилеры. Проблема в том, что первые могут определить авторство или подлинность вещи, просле-



Цена современного искусства бьет все рекорды. В феврале 2016 года миллиардер и основатель хедж-фонда Citadel Investment Group Кеннет Гриффин приобрел две картины — произведения Джона Поллока и Виллема де Кунинга — за \$500 млн

дить историю ее бытования, но мало что знает о рыночной стоимости произведения искусства. Дилеры, напротив, слишком укоренены в художественный рынок и едва ли могут оставаться беспристрастными, так как часто их интересует исключительно собственная выгода.

Прозрачность и репутацию ценит коллекционер и юрист Александр Добровинский: «Обычно я покупаю картины у владельцев, у которых они находились мно-

Самые продаваемые художники				
Место	Художник	Объем продаж	Продано произведений	Самый дорогой проданный лот
1	Пикассо Пабло (1881–1973)	\$650 837 410	2875	\$179 365 000
2	Уорхол Энди (1928–1987)	\$323 568 378	1453	\$56 165 000
3	Моне Клод (1840–1926)	\$338 744 605	36	\$54 010 000
4	Модильяни Амедео (1884–1920)	\$251 331 200	46	\$170 405 000
5	Джакометти Альберто (1901–1966)	\$247 887 204	103	\$141 285 000
6	Бэкон Фрэнсис (1909–1992)	\$232 914 456	109	\$47 765 000
7	Тумблы Сай (1928–2011)	\$223 136 848	75	\$70 530 000
8	Ротко Марк (1903–1970)	\$219 768 119	12	\$81 925 000
9	Фонтана Лучо (1899–1968)	\$214 898 176	256	\$29 173 000
10	Лихтенштейн Рой (1923–1997)	\$212 485 347	475	\$95 365 000
11	Рихтер Герхард (г. р. 1932)	\$205 290 421	371	\$46 306 758
12	Чжан Дацинь (1899–1983)	\$179 120 608	570	\$6 599 640
13	Ци Байши (1864–1957)	\$165 247 908	435	\$17 997 500
14	Миро Жоан (1893–1983)	\$145 501 625	1263	\$23 413 412
15	Ван Гог Винсент (1853–1890)	\$143 517 445	12	\$66 330 000
16	Колдер Александр (1898–1976)	\$136 607 474	476	\$9 573 000
17	Баския Жан-Мишель (1960–1988)	\$132 324 565	72	\$37 125 000
18	Ли Кэжянь (1907–1989)	\$117 927 971	139	\$28 906 400
19	Вул Кристофер (г. р. 1955)	\$113 952 823	46	\$29 930 000
20	Чжао Уцзи (1921–2013)	\$107 942 395	352	\$7 177 560

По результатам аукционных торгов, по состоянию на конец 2015 года. Источник: Artprice и Art Market Monitor of Arttron.

го лет, и обычно прошу, чтобы мне это доказали. Доказательством для меня, например, является фотография на фоне картины художника, и это еще не все. После этого я обычно провожу химическую экспертизу состава красок, потому что одну картину могут заменить на идентичную другую... Немного легче, если я покупаю картину через аукционные дома с репутацией, так как все эти проверки делают они. Доверяя к ним у меня больше, так как они редко идут на репутационный риск».

Но и это не гарантия. Например, Christie's, как выяснилось, продал Виктору Вексельбергу фальшивую картину Бориса Кустодиева «Одалиска». Напомним, что фонд Вексельберга Aurora Fine Arts Investment приобрел эту картину за €1,7 млн в декабре 2005 года, заплатив за нее почти в десять раз больше стартовой цены. Через год у фонда появились сомнения в подлинности картины, так как его консультант эксперт по русскому искусству и сотрудник Третьяковской галереи Владимир Петров выдал отрицательную экспертизу на работу. На ее основании представители фонда попытались расторгнуть сделку и вернуть деньги, но в Christie's ответили отказом. Однако после публикации в 2009 году Каталога подделок произведений живописи под эгидой Росохранкультуры у Aurora Fine Arts Investment появилось доказательство: «Одалиска» в этом издании прямо числилась в списке фальшивок под первым номером, причем составители подтверждали это заключениями экспертов из Научно-реставрационного центра имени Грабаря, Русского музея и Третьяковской галереи. Через год фонд Вексельберга подал в суд на Christie's, и по итогам судебных разбирательств аукци-

онный дом вынужден был выплатить российский предпринимателю £2,7 млн.

Я поведу тебя в музей

Опыт последних лет показывает, что наиболее проблемными для рынка искусства все же остаются вопросы подлинности произведений и недобросовестность отдельных игроков. Если в случае с первым остается уповать на появление новых методов и технологий атрибуции произведений искусства, то со вторым дела обстоят сложнее. Некоторых недавних скандалов и судебных тяжб можно было бы избежать, если бы участники арт-рынка строго придерживались избранной однажды роли — продавца, эксперта, посредника или специалиста по логистике — и не допускали конфликта интересов в своей области.

В этом смысле показателен конфликт предпринимателя Дмитрия Рыболовлева и арт-консультанта Ива Бувье. Десять с лишним лет господин Бувье выступал личным арт-консультантом Рыболовлева: с его помощью российский миллиардер приобрел 37 шедевров, заплатив за них в общей сложности чуть более \$1,5 млрд. Как позже выяснилось, это почти в два раза больше, чем просили за эти работы их предыдущие собственники, с которыми договаривался Бувье.

Один из примеров — история с «Лежащей обнаженной с голубой подушкой» Амедео Модильяни, которую предыдущий владелец, американский коллекционер Стивен Коэн продал за \$93,5 млн, а вот Дмитрию Рыболовлеву она досталась уже \$118 млн. Разница осела у Ива Бувье, который, как выяснилось, действовал не как агент господина Рыболовлева, а как перекупщик. При этом между господами Бувье и Рыболовлевым был заключен договор, по которому консультант получал за свои услуги 2%. По мнению Рыболовлева, эти платежи представляют собой оплату агентской деятельности Бувье и последний не мог претендовать на дополнительную прибыль. Бувье же утверждает, что в данной ситуации он действовал как дилер, «который может свободно устанавливать размеры своей прибыли». Стоит добавить, что Ив Бувье действительно выполнял не только роль консультанта. Его компания Natural Le Coultre обеспечивала доставку купленных произведений в так называемые фрипорты с подходящим законодательством, в частности в Люксембург и Сингапур. Фрипорт — это формально склад, а на практике обычная картинная галерея, но привозимые туда предметы не облагаются ни таможенными пошлинами, ни НДС. Таким образом, господин Рыболовлев, начав судебный процесс, раскрыл дело, которое на наших глазах меняет арт-рынок в сторону прозрачности. В целом, приход финансовых инвесторов двигает рынок предметов искусства к понятному правовому регулированию.

Анна Савицкая

Ускользающая красота

— криминал —

По данным журнала Newsweek, торговля краденными произведениями искусства в последние 40 лет стала третьим по доходности криминальным бизнесом, уступаая только торговле наркотиками и оружием. Каждый год в мире похищается не менее 50 тыс. произведений искусства. И только 10% украденного возвращается владельцам.

Ежегодный оборот подпольного арт-рынка в прежние годы достигал \$8 млрд. Правда, сейчас он переживает такой же кризис, как и легальный: все труднее становится найти покупателей на «искусство с черной меткой», ведь это плохое вложение средств, такое произведение невозможно легально ни продать, ни передать по наследству. «Рязные» произведения искусства — сомнительный актив, и они всегда продаются гораздо ниже реальной рыночной цены.

Впрочем, обманутые инвесторы и гигантский черный рынок искусства кажется не столь уж серьезной проблемой, когда речь заходит об использовании сделок с краденными произведениями для финан-

сирования терроризма. Еще весной 2015 года главы государства и международные эксперты говорили о том, что незаконная торговля предметами искусства и древностями является одной из наиболее доходных статей финансирования экстремистских организаций. Так, в ходе визита в США премьер-министр Ирака Хайдер аль-Абади заявил, что террористы в Ираке получают средства, в том числе от торговли предметами старины. Ресурс «Голос Америки» цитировал его слова: «Боевики торгуют нефтью и предметами старины, чтобы получить деньги. Нужны международные усилия, чтобы пресечь все преступные действия террористов, из-за которых кровопролитие в Ираке продолжается». В том же году президент РФ Владимир Путин на заседании IV Санкт-Петербургского международного культурного форума предложил объединить усилия в борьбе с нелегальной торговлей культурными ценностями, так как деньги от нее идут на финансирование терроризма. Практически одновременно с этим директор Управления ООН по наркотикам и преступности Юрий Федотов, выступая в нью-йоркской штаб-квартире организации, заявил, что

международные криминальные группировки зарабатывают на незаконной торговле предметами культуры и искусства от \$3,4 млрд до \$6,3 млрд ежегодно и значительная часть этих средств идет на финансирование терроризма.

В прошлом году итальянская газета La Stampa опубликовала исследование своих журналистов, которые выяснили, что южноитальянские мафиозные группировки «Ндрангета» и «Каморра» занимаются оборотом древностей, незаконно добываемых ИГИЛ (деятельность этой организации запрещена в России) на Ближнем Востоке и в Северной Африке. По сведениям газеты, мафия поставляет ИГИЛ оружие, которое контрабандой вывозят из стран СНГ преступные группировки, в обмен на римские и греческие предметы из незаконных раскопок античных памятников, в том числе из древних городов Лептис-Магна, Кирена и Сабрата, находящихся на территории современной Ливии и включенных в список объектов культурного наследия ЮНЕСКО. Артефакты переправляются из города Сурта в калабрийский порт Джоя-Тауро.

В феврале 2015 года Советом Безопасности ООН была принята резолюция 219,

которая в числе прочего постановляет, что все государства должны принять надлежащие меры для предупреждения торговли культурными ценностями Ирака и Сирии и другими предметами, имеющими археологическое, историческое, культурное, ценное научное и религиозное значение, которые были незаконно изъяты из Ирака после 6 августа 1990 года и из Сирии после 15 марта 2011 года. Однако вопрос исполнения данной резолюции продолжает оставаться открытым, что вызывает беспокойство международных лидеров и экспертов. Большие опасения вызывают, в частности, фрипорты как возможные места хранения краденых произведений искусства. «Существует высокий риск того, что фрипорты используются арт-дилерами для хранения украденных или контрабандных произведений искусства до той поры, пока розыск не прекратится», — заявил министр финансов Франции Мишель Сапен, выступая на встрече министров финансов G20 в октябре 2016 года. — Мы должны пресекать подобную практику продажи произведений искусства в рамках борьбы с терроризмом».

Андрей Смирнов

Крупнейшие скандалы на арт-рынке

\$0,5–1 млрд

2015 — настоящее время

Дмитрий Рыболовлев против Ива Бувье

Предмет конфликта — обвинение в мошенничестве в адрес Бувье в связи с продажей картин Модильяни, Пикассо, Леонардо и других художников. Представители Рыболовлева оценивают ущерб в \$1 049 465 009. Это означает, что он переплатил вдвое за свою коллекцию.

Статус конфликта — продолжающаяся судебная тяжба.

\$127,5 млн

2013 — настоящее время

Консорциум дилеров в составе Уоррена Адельсона, президента Adelson Galleries, и нью-йоркских арт-дилеров Александра Пэриша и Роберта Саймона против Ива Бувье и Sotheby's

Предмет конфликта — картина Леонардо да Винчи «Спаситель мира», которую консорциум дилеров продал в 2013 году Иву Бувье при посредничестве Sotheby's за \$80 млн, после чего швейцарец тут же перепродал ее Рыболовлеву за \$127,5 млн. Работа была приобретена Александром Пэришем в 2005 году как работа одного из учеников художника за \$10 тыс., впоследствии картина была аутентифицирована специалистами Sotheby's как полотно самого да Винчи.

Статус конфликта — в настоящее время члены консорциума добиваются через суд возмещения им упущенной выгоды в результате перепродажи картины Рыболовлеву по значительно более высокой цене.

€45 млн

2015 год

Италия против галериста Джанфранко Беккина

Предмет конфликта — нелегальная торговля антиквариатом и археологическими находками.

Статус конфликта — конфискация партии археологических находок на €45 млн.

\$45 млн

Начало 2000-х годов

США против Sotheby's и Christie's

Предмет конфликта — нарушение правил конкурентной борьбы, ценовой сговор.

Статус конфликта — Sotheby's заплатил многомиллионные штрафы (около \$45 млн), а бывший его глава Альфред Таубман провел год в тюрьме и выплатил \$7,5 млн. Christie's сотрудничал со следствием и избежал санкций.

€27 млн

2015 — настоящее время

Падчерица Пабло Пикассо

Этрин Ютен-Блэ против Ива Бувье

Предмет конфликта — два портрета матери Ютен-Блэ Жаклин Рок, написанных Пабло Пикассо. Эти произведения, а также еще 70 работ испанского художника были похищены из хранилища, арендованного Катрин Ютен-Блэ. Достоверно установлено, что позднее Ив Бувье продал два портрета кисти Пикассо Дмитрию Рыболовлеву.

Статус конфликта — продолжается судебное разбирательство во Франции.

\$25 млн

2011 — настоящее время

Филипп Местраччи, правнук Оскара Штеттинера, коллекцию которого изъяли нацисты, против семьи арт-дилеров Нахмاد

Предмет конфликта — картина Модильяни «Сидящий мужчина с тростью» (оценивается в \$25 млн), оказавшаяся у семьи Нахмад. Представители Нахмадов всегда отрицали, что картина находится у них. Летом 2016 года Международный консорциум журналистских расследований (ICIJ) в результате утечки документов панамской юридической компании Mossack Fonseca установил, что Джузеппе Нахмад купил это полотно Модильяни на аукционе в 1996 году.

Статус конфликта — продолжающаяся тяжба в США.

€16 млн

2011–2015 годы

Германия против Вольфганга Бельтракки

Предмет конфликта — около 50 картин, считавшихся произведениями известных художников — Макса Эрнста, Андре Ланского, Кеса Ван Донгена, экспрессионистов и модернистов начала XX века. Как выяснилось, все они — подделки работы Вольфганга Бельтракки, который успешно продавал их через ведущие аукционные дома мира.

Статус конфликта — Вольфганг Бельтракки осужден за подделку и коррупцию в 2011 году и приговорен к шести годам лишения свободы, в 2015-м досрочно освобожден.

\$3,6 млн

2009 — настоящее время

Арт-дилер Гари Татинцяна против проживающего в США художника и коллекционера Льва Нусберга

Предмет конфликта — коллекция произведений, приписываемых Казимиру Малевичу и его последователям Николаю Суетину и Илье Чашнику. Лев Нусберг продал Гари Татинцяну в 2006–2009 годах поддельные произведения на общую сумму более \$3 млн. Коллекционер утверждал, что эти произведения попали к нему от наследников художников, в основном из архива супруги Суетины Анны Лепорской. Позднее было установлено, что это подделки.

Статус конфликта — суд установил, что Татинцяна так и не заплатил Нусбергу за произведения, и присудил последнему возмещение ущерба в \$3,6 млн в 2014 году. Однако еще в 2012 году Татинцяна подал встречный иск, заявив о «многолетнем мошенничестве», репутационных издержках и многомиллионном ущербе (приблизительно \$60 млн). Суды продолжаются.

£2,7 млн

2005–2012 годы

Виктор Вексельберг против аукционного дома Christie's

Предмет конфликта — картина «Одалиска», проданная как работа Бориса Кустодиева за £1,7 млн, но оказавшаяся подделкой.

Статус конфликта — Christie's выплатил фонду Вексельберга £2,7 млн (стоимость картины плюс юридические расходы).

\$250 тыс.

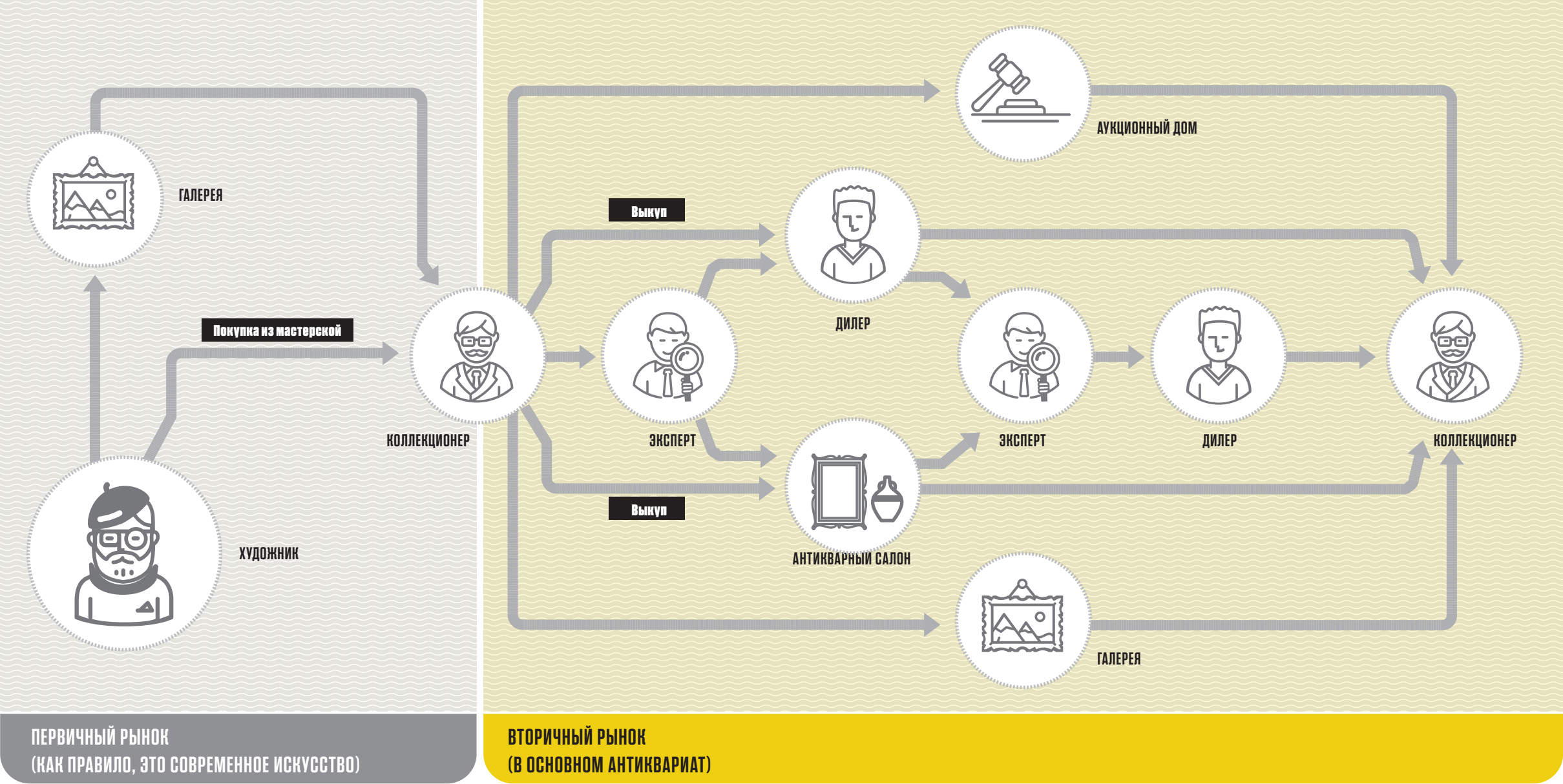
2012–2016 годы

Коллекционер Андрей Васильев против искусствоведа Елены Баснер

Предмет конфликта — фальшивая картина Бориса Григорьева «В ресторане», проданная Андреем Васильевым при посредничестве Елены Баснер (авторитетного эксперта).

Статус конфликта — Баснер признана невиновной, деньги Васильеву не вернули.

КАК УСТРОЕН АРТ-РЫНОК



Типы продавцов искусства

50% — аукционные дома

SOTHEBY'S и CHRISTIE'S, их доля по стоимости в сумме составляет где-то 30% всех аукционных продаж в мире и около половины общего объема продаж. Остальные игроки в этом секторе — национальные аукционные дома

Auction house	Revenue	Auctioned Lots
1 Christie's	\$4,968,338,763	19,238
2 Sotheby's	\$4,570,332,893	14,805
3 Poly International	\$833,136,882	9,922
4 China Guardian	\$553,020,191	7,695
5 Phillips	\$397,524,395	3,311
6 Beijing Council International Auctions	\$294,044,650	3,720
7 Shanghai Jiahe	\$160,679,547	1,893
8 Xiling Yinshue Auction	\$199,486,812	3,140
9 Beijing Hanhai Art Auction Co.Ltd.	\$147,791,657	4,492
10 Bonhams	\$143,121,888	8,949

50% — галереи (организации) и арт-дилеры (частные лица)

Всего на рынке примерно 70 тыс. арт-дилеров, среди которых есть и галереи, и брокеры (берущие предметы на комиссию), и агенты отдельных художников. Галереи и арт-дилеры используют ярмарки. По всему миру в течение года проводятся ярмарки классического и современного искусства. Обычно они длятся около недели, на них приезжают галеристы и дилеры из разных стран и привозят избранные произведения

Главные международные ярмарки

TEFAF (МААСТРИХТ, НИДЕРЛАНДЫ)
старейшая и самая авторитетная ярмарка классического искусства в Европе, обычно проходит в марте

ART BASEL (БАЗЕЛЬ, ШВЕЙЦАРИЯ)
самая значительная ярмарка послевоенного и современного искусства в континентальной Европе, проходит в начале лета в Швейцарии, но недавно появились также американская (Майами-Бич) и азиатская (Тонконг) «версии» этой ярмарки

FRIEZE (ЛОНДОН, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ)
основная ярмарка послевоенного и современного искусства в Великобритании, проходит осенью (также обзавелась американской «версией», которая проходит в мае в Нью-Йорке)

В РОССИИ
Российский антикварный салон самая старая и на данный момент единственная ярмарка антиквариата в России, проходит дважды в год (осенью и весной) в ЦДХ), и ярмарка современного искусства Cosmocosm (тоже сейчас единственная, но в отличие от Антикварного салона очень молодая, зато активно развивающаяся)

Перевозка и хранение работ

Покупка произведения искусства конечным покупателем (условно — «коллекционер») — еще не конец истории.

Арт-логистика

В мире сложилась целая индустрия специалистов по транспортировке произведений искусства. Часто подразделения, работающие с особо ценными и хрупкими грузами, есть у крупнейших международных перевозчиков. Кроме того, на рынке есть компании, которые занимаются исключительно перемещением искусства по миру с соблюдением всех возможных требований сохранности. В первую очередь они работают с музеями, но с удовольствием предлагают свои услуги и частным коллекционерам. Как правило, у них есть панетное предложение: упаковка + перевозка со страховкой на случай повреждений в пути

Страхование

Затем произведение или коллекцию целиком нужно застраховать

Хранение

— дома
— в банковской ячейке
— в специальном хранилище (см. фрипорты)
— в музее
Либо передать на временное хранение — long term loan, картина в таком случае обычно висит в экспозиции музея (распространено на Западе, у нас меньше), либо создать свой музей и передать коллекцию туда (разумеется, сопряжено с большими расходами)

Система фрипортов для произведений искусства

На данный момент в мире действуют девять фрипортов — крупных хранилищ произведений искусства, которые располагаются в офшорных зонах. Фрипорт обеспечивает хранение и доступ к произведениям искусства, находящимся на хранении, в режиме свободной налоговой зоны (типа duty free), то есть беспошлинно ввозимым и вывозимым. Сделки по покупке-продаже художественных ценностей, совершенные на территории фрипорта, налогом не облагаются, равно как и временный вывоз работ на выставки. Сегодня произведение искусства все чаще переживает смену владельцев, при этом физически оставаясь в арендованной на долгое время ячейке. Королем фрипортов называют Ива Бувье, владельца Женевской компании Natural Le Coultre, специализирующейся на услугах транспортировки и хранения произведений искусства. Ему принадлежат фрипорты в Женеве, Цюрихе, Сингапуре и Люксембурге

Менеджмент коллекций

Экспертиза произведений искусства

Коллекцию искусства нужно хранить в правильных климатических условиях (температура и влажность), проверять состояние сохранности, время от времени что-то реставрировать. Страховать (предварительно оценить). В идеале — заниматься капитализацией: предоставлять произведения для музейных выставок и их репродукции для научных публикаций, то есть вводить в оборот истории искусства. Пополнять коллекцию (приобретать новое) и ротировать — избавляться от менее удачных произведений.

Заниматься этим можно:
—самостоятельно;
—нанять личного арт-консультанта;
—с помощью консалтингового агентства (фактически такие есть только на Западе, у нас пока нет);
—арт-банкинг (этот спектр услуг в рамках private banking предоставляют ведущие мировые банки)

- 1) Искусствоведческая (или знаточеская) экспертиза — определение автора спорного произведения на основе визуального сравнения с «эталоном», учитываются особенности стиля, колорита, характер мазка и т. п.
- 2) Техничко-технологическая экспертиза — получает распространение во второй половине XX века на основе опыта реставраторов. Сегодня она предполагает исследование основы, грунта, красочного слоя и связующего вещества. Среди методов — рентгенографирование, исследование в ультрафиолетовых лучах, инфракрасное сканирование, микроскопическое исследование и т. д.

